

ЗИНАИДА ГИППИУС

БЛИЖЕ К
ПРИРОДЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Ближе к природе

Аннотация

«Все были недовольны.

Пока никто еще не говорил ни слова, но ясно было, что все недовольны. Неприятности начались с минуты приезда на станцию. Шел дождик, облака бежали низко. Озеро тянулось серое, тусклое. И оказалось, что до имения Столбы, где две семьи, Назаровы и Каминские, наняли вместе дачу, – дороги нет и лошадей достать нельзя...»

Содержание

I	4
II	7
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зинаида Гиппиус

Ближе к природе

I

Все были недовольны.

Пока никто еще не говорил ни слова, но ясно было, что все недовольны. Неприятности начались с минуты приезда на станцию. Шел дождик, облака бежали низко. Озеро тянулось серое, тусклое. И оказалось, что до имения Столбы, где две семьи, Назаровы и Каминские, наняли вместе дачу, — дороги нет и лошадей достать нельзя.

Поезд ушел, на мокрой платформе лежали вещи, сундуки, коробки и матрасы, зашитые в рогожи. Экономка Текла Павловна поддерживала слепую бабушку. Два мальчика держали за цепь большую собаку. Старшие совещались. Тоненькая Лили, в открытых туфельках, презрительно молчала, глядя в сторону. Она даже зонтика не раскрывала и высокие стельки мака на ее шляпе печально колебались от дождевых капель. Своей презрительно покорной позой Лили точно хотела сказать: «По-своему хотели сделать, не спросили меня — и отлично. И еще не то будет. И я очень рада...»

В стороне, около вещей, стояла кухарка и две горничных. Все три были молодые девушки. Но одна, самая высокая и

полная, отличалась резко своей одеждой и манерами из двух других. На ней была надета ватная деревенская кофта из черновато-рыжего люстрина и большие сапоги. Она молчала и смотрела глубоко равнодушно.

Наконец, дело разъяснилось. Дороги на Столбы точно не было. Дамы смотрели имение зимой и ездили на санях по замерзшим озерам и реке. В полтора часа можно было доехать. Теперь же единственное средство попасть на дачу – оказывался пароходик. Пароходик был так мал, что больше походил на кофейник. Пассажиры садились вокруг машины, иные на лавках, иные на дровах. В лицо жара, сзади ветер. Ехать так приходилось четыре часа.

Делать было нечего. Дачники отправились к пароходу по высокой насыпи. Точно сговорившись, никто не выражал недовольства, все угрюмо смотрели и молчали. Старшие дамы чувствовали, что они виноваты, забыли справиться о летнем сообщении. Студентам было все равно. Бабушка ничего не видела. А Лили думала: «И пусть, и пусть... Я очень рада».

Тащили вещи, Луша и Оля кричали, что тюки уронят в воду.

– Ну, иди ты! Чего стоишь! Тебе говорят, Дунька! Иди скорее, пароход отъедет.

Невозмутимая девушка в деревенской кофте влезла, наконец, по доске и уместилась на дровах у самой машины. Пароход отчалил. Но в Столбы не доехали засветло, потому что

на втором озере еще три четверти часа просидели на мели.

II

Назарова и Каминская были двоюродные сестры. Обе – дамы полные, средних лет, обе – вдовы и обе притом не богатые, хотя и не бедные. У Назаровой было два мальчика и слепая бабушка, а у Каминской взрослая дочь и три сына студента.

Кузины решили, что жить вместе на даче гораздо выгоднее. Даже прислуги можно не столько держать. Совершенно довольно двух горничных. Текла Павловна не в счет, она экономка – и кроме того водит слепую бабушку.

Не нужно только забираться далеко от Петербурга. Станция, ближайшая к Столбам, всего в двух часах езды от города. Никто же не мог предвидеть, что тут явится еще пароход. Конечно, злополучный пароход делает Столбы порядочной глушью.

Старый деревянный дом, выстроенный не для зимнего житья, был похож не то на дачу, не то на барак. Стоял он на пустой горе, а внизу текла река с зелеными мелями и лысынами. Кое-где из воды торчал ряд кольев для рыбной ловли, точно поломанные зубы какой-нибудь громадной твари. На другой стороне виднелся желтый пригорок и деревня; а правее деревни, вдалеке, над кущей деревьев, возвышалась остроконечная соломенная крыша с низкой трубой на самом верху: это была крыша стеклянного завода.

Оказалось, что провизии на Столбах доставать решительно неоткуда. Мясники не ездили, о булках и говорить нечего. Первая Текла Павловна начала вслух высказывать свое недовольство.

– Что же это такое? – рассуждала она. – Ни мяса, ни хлеба, картофеля даже нет! А управляющий этот, Анкундим (тоже управляющий! Прямо себе мужик!) говорит, вы, говорит, ничего не достанете по деревням. Разве, говорит, на завод съездите. Там лавка есть. Может, и достанете чего.

– А сам-то он как же? – робко замечает барыня.

– А ему чего! Живет себе на мызе, там коровы, телята... Хорошо еще, молоко нам оттуда дают. А скоро, говорят, и молока не станут давать.

– Так надо бы, Текла Павловна, на завод...

Главная черта характера Теклы Павловны – была полная безнадежность. Она никогда не верила, что какое-нибудь дело хорошо кончится, что-нибудь удастся. Стоило члену семьи запоздать на прогулке – она с полной уверенностью говорила, что он либо утонул, либо его задавили, ограбили... Сны она видела самые дурные, предвещавшие смерть и всякие несчастья.

Текла Павловна совершенно не верила в стеклянный завод и не видела возможности туда попасть.

– Кто же это поедет через озеро? – возразила она с негодованием. – Да я первая не поеду. Пусть сам Анкундим и едет.

– Мы перевезем, – отозвались студенты. – На берегу ялик

есть, вверх дном лежит. Спросить надо управляющего, где весла.

Студенты отправились на мызу и вернулись в недоумении.

Анкундим объяснил им, что на ялике теперь ехать нельзя, вода спала и от берега нужно идти сажени три по колено в воде и ялик нести, пока дойдешь до глубокого места.

– Там пристать можно, а отъехать на ялике никак нельзя. У нас берег низкий.

– Как же вы на ту сторону ездите?

– А на ботике. Лопатой гребем. Теперь вода очень спала.

Ботиком назывался выдолбленный ствол толстого дерева, мелкий и шаткий, как щепка. Ехать можно было в крайнем случае двум, причем один, стоя сзади, греб лопатой.

Студенты не решились отправиться на ботике. Требовался большой навык. В воскресенье Анкундим обещал дать работника.

III

Текла Павловна, вне себя, пришла на кухню. Надо было самой посмотреть пироги. Лукерья ничего не умела.

– В воскресенье! – волновалась Текла Павловна. – Жди до воскресенья! А у нас ни картофеля, ни капусты, ни керосина! Да и не даст он в воскресенье никакого работника!

– Что это, Текла Павловна? – спросила любопытная Оля.

Она была хорошенькая петербургская горничная, затянутая в корсет и сучавшая здесь не меньше своей барышни, Лили.

Текла Павловна принялась жаловаться.

– А что вы думаете? – сказала вдруг Луша, доставая противень из духовой. – У нас Дунька ботиком править умеет. Около ихней деревни озеро есть.

Все посмотрели на Дуню.

Она сидела на пороге открытой двери и толкла сахар.

– Правда, что ли, Дуня? Ездила на ботике?

– Ездила. Я могу.

Дуня совсем не шевелила губами, когда говорила, а потому слова ее были невнятны. Полное лицо ее с тупым носом и светлыми глазами напоминало невыразительные лица некоторых статуй. Рот она никогда не закрывала, точно верхняя губы была слишком коротка. Одевалась в деревенские платья с лифчиком, но они не портили ее широкую фигуру. Ко-

гда Дуня шла босая мимо буфета, посуда звенела и дерево трещало.

– Да врет она все, деревенщина, – проговорила Текла Павловна.

Дуня ничего не ответила и продолжала толочь сахар.

– Не врет, – вступилась Луша. – Она умеет. Я хоть сама с ней поеду.

– Поедете вы, как же! Вот попробуйте-ка, утоните-ка!

– Зачем утопать. Я могу на ботике, – мерно проговорила Дуня, не шевеля губами.

Решено было попробовать и отправить Дуню с Лушей в заводскую лавку.

– Ишь ты какая умелая, – сказала Оля. – Никто и не знал. Даром, что из лесу.

Дуню только два месяца тому назад привезла к Назаровой тетка ее из глухой деревни, которая была недалеко от ее собственного захолустного имения, в Тверской губернии. Назарова давно хотела нанять деревенскую девушку.

Дуня была ко всему равнодушна, говорила мало и непонятно, молча работала, сохраняя почти веселый вид.

– Дуня, ты какой губернии? – приставала к ней Оля.

– А я не знаю.

– Эка ты! А как царя зовут?

– Да не знаю.

– А Троица святая где?

– Какая Троица? На Троицу девки венки...

– А звать тебя как?

– Звать Авдотьей.

– Слава Богу, это хоть знаешь. Что у вас все такие-то?

– Какие?

– Да ничего не знают, ни царя, ни Бога?

– А откуда что знать? Церква далеко. Школа далеко. Бабы все такие.

– Ну а мужчины?

– Мужики? Мужики похитрее.

– Откуда ж мужики знают?

– Они в волость ходят. Им подать. Ихнее дело не бабье.

Дуня устала от длинного разговора. Однако Оля и Луша не унимались.

– А что, Дунька, у тебя жених есть? Дуня удивленно взглянула.

– Да я ж в услужении. Я замуж теперь не пойду.

– Отчего так?

– Воля. Девка – что хошь, то и делаешь. А баба – другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.